

Советская археология. №3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
С56

С56 Советская археология. №3 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 343 с.

ISBN 978-5-458-42492-9

«Советская археология», журнал, издаваемый институтом археологии АН СССР. Выходит с 1957, является преемником одноимённых сборников, издававшихся в 1936—59 (в. 1—30). «Советская археология» публикует материалы о важнейших открытиях советских археологов, знакомит с археологическими работами за рубежом. В журнале помещаются статьи по различным проблемам археологии и древней истории, вопросам экономики, социального строя, идеологии, искусства древних и средневековых обществ, публикуются новые археологические материалы, критические обзоры советской и зарубежной литературы по археологии, рецензии, статьи по методике археологических исследований. Тираж (1975) 3,3 тыс. экз.

ISBN 978-5-458-42492-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

К западу от Волги обработанный краниологический материал имеется только на бассейне р. Маныча. По В. В. Гинзбургу¹, в I тысячелетии до н. э. на Маныче в связи с проникновением сюда населения с Нижней Волги наряду с мезокранным типом начинает преобладать брахикранный, близкий к астраханскому сарматскому типу.

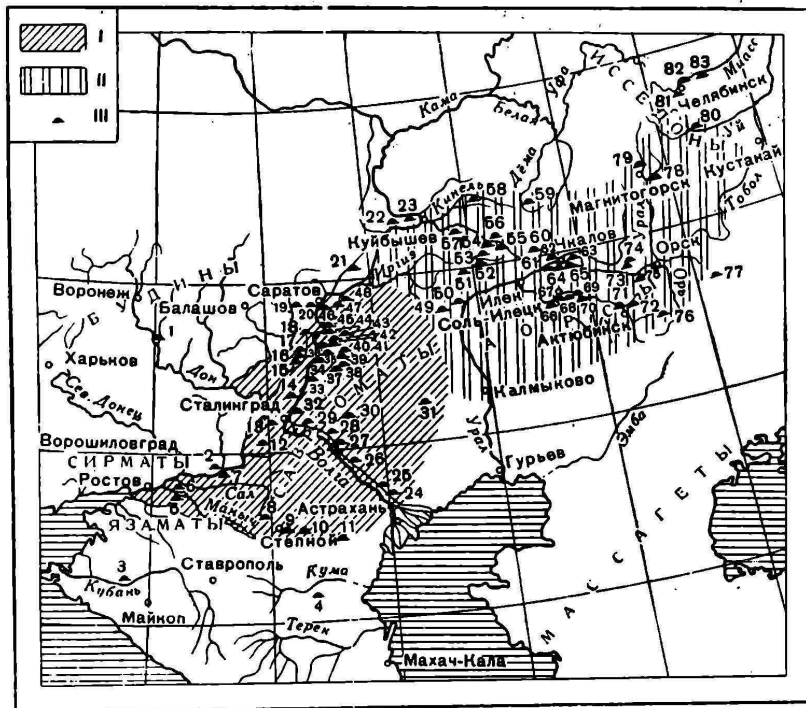

Рис. 1. Территория ранних сарматов VII—IV вв. до н. э.
1 — волго-донская группа; 2 — самаро-уральская группа; 3 — курганы.

1 — с. Владимировская; 2 — хут. Карнауховский; 3 — станция Пашковская; 4 — с. Ачи-Кулак; 5 — хут. Веселый; 6 — хут. Спорный; 7 — хут. Попов; 8 — с. Кеше (Кише); 9 — 10 — г. Элиста; 11 — с. Улан-Эрче; 12 — с. Ивановка; 13 — с. Карповка; 14 — с. Горная Пролейка; 15 — станция Лебяжья; 16 — с. Норка; 17 — с. Гусельки; 18 — с. Макаровка; 19 — с. Ковыловка; 20 — г. Саратов; 21 — с. Третьяковская Маза; 22 — с. Комаровка; 23 — Жигулевские курганы; 24 — станция Досанг; 25 — с. Сероглазово; 26 — с. Золотушинское; 27 — с. Батаевка; 28 — с. Дмитриевка; 29 — г. Ленинск; 30 — станция Сайхил; 31 — с. Джангала; 32 — с. Калиновка; 33 — с. Быково; 34 — с. Политотдельское; 35 — сс. Молчановка, Бережновка, Потемкино; 36 — с. Иловатка; 37 — совхоз «Красный Октябрь»; 38 — с. Старая Ивановка; 39 — пос. Цветочный (б. Блюменфельд); 40 — с. Харьковка; 41 — с. Мирное; 42 — с. Луговое; 43 — с. Усатово; 44 — с. Краснополье; 45 — с. Скатовка; 46 — г. Энгельс; 47 — с. Суслы; 48 — с. Бородаевка; 49 — курган на 336-й версте б. Покровско-Уральской ж. д.; 50 — сс. Кordon Деркульский, Спартак; 51 — с. Соболев; 52 — хут. Крыловский; 53 — с. Любимовка; 54 — с. Преображенка; 55 — с. Осмушкино; 56 — с. Пьяновка; 57 — с. Благодаровка; 58 — с. Рысапкино; 59 — с. Ниж. Кузлы; 60 — с. Абрамовка; 61 — с. Павловская; 62 — пос. Бердский; 63 — пос. Нежинский; 64 — с. Благословенка; 65 — аул № 1, Бис-Оба; 66 — с. Покровка; 67 — с. Тамар-Уткуль; 68—69 — колхоз им. 8-го марта и колхоз им. Чапаева (уроч. «Пятимары»); 70 — хут. Веселый 1-й у с. Ак-Булак; 71 — г. Актюбинск; 72 — р. Жаксы Каргала; 73 — с. Сара; 74 — р. Чебакла, уроч. «Бис-Оба»; 75 — р. Терекла, уроч. «Урал-Сей»; 76 — с. Матвеевка; 77 — с. Буруктал; 78 — пос. Черниговский; 79 — р. Малый Кызыл (окрестности г. Магнитогорска); 80 — с. Клястицкое; 81—82 — окрестности г. Челябинска; 83 — с. Пивкино

В Южном Приуралье (в пределах Чкаловской и Актюбинской областей) в эпоху бронзы господствовал андроновский тип населения, хотя в некоторых местах (близ г. Актюбинска) черепа эпохи бронзы и скифского времени были очень близки поволжским². У ранних сарматов этой

¹ В. В. Гинзбург. Антропологические материалы из раскопок на р. Маныче. Сборник музея антропологии и этнографии, т. X, М.—Л., 1949, стр. 285—292.

² Доклад В. В. Гинзбурга и Б. В. Фирштейн «Антропологическая характеристика сарматов Западного Казахстана» на секции раннего железа пленума ИИМК АН СССР, посвященного итогам археологических исследований 1955 г. (Ленинград, апрель 1956 г.).

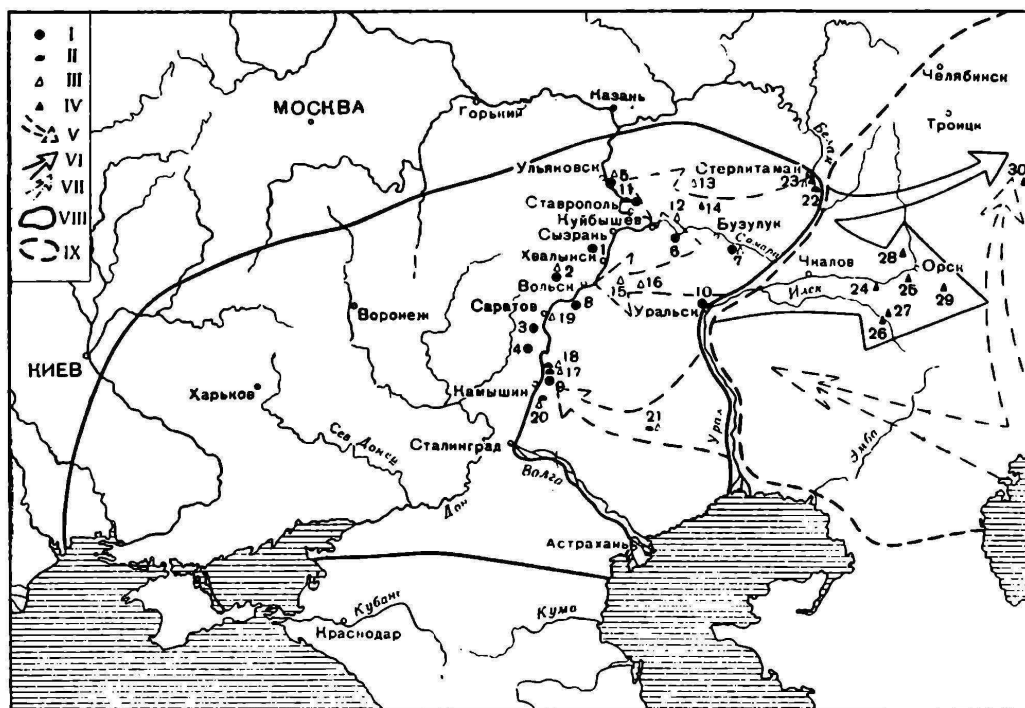

Рис. 2. Схема взаимоотношений между племенами эпохи бронзы в степном Поволжье и Южном Приуралье

I — трупосожжения на территории срубной культуры; II — андроновский обряд трупоположения; III — андроновская керамика на территории срубной культуры; IV — срубная керамика на территории андроновской культуры; V — предполагаемый путь распространения на запад андроновцев или элементов их культуры; VI — направление распространения элементов срубной культуры на территории андроновской культуры; VII — направление, связи «тазабагыбских» племен; VIII — граница распространения срубной культуры; IX — граница распространения андроновской культуры

1 — с. Старый Печеур; 2 — с. Адоевщина; 3 — станция Карамыш; 4 — с. Макаровка; 5 — с. Кайбелы; 6 — с. Домашка; 7 — с. Погромное; 8 — с. Бородаевка; 9 — с. Политотдельское; 10 — с. Кордон Деркульский; 11 — с. Хрящевка-Сускан; 12 — станция Тургеневка; 13 — с. Исаклы; 14 — станция Подбельская; 15 — с. Успенка; 16 — с. Максютково; 17 — с. Бережновка; 18 — с. Потемкино; 19 — г. Энгельс; 20 — с. Быково; 21 — с. Джангала (Н. Казанка); 22 — хут. Кашкары; 23 — с. Б. Куганак; 24 — р. Терекла; 25 — р. Киргильда; 26 — г. Актюбинск; 27 — с. Ульке; 28 — Орский район; 29 — р. Чебеньки; 30 — пос. Алексеевский

области нет ярко выраженных андроновских антропологических признаков, что скорее всего объясняется отсутствием до сих пор большой краниологической серии. Значительно отчетливее в бассейне Урала выделяется брахикранный тип, морфологически близкий астраханскому сарматскому варианту и древнему населению Средней Азии, в частности усуням Семиречья¹.

В целом исследования антропологов позволяют сделать следующие выводы. Доно-волжские сарматы являлись потомками местных племен бронзового века, в первую очередь — племен срубной культуры, отчасти — племен катакомбной культуры, сохранившихся в Астраханской области и на р. Маныче. В завожских степях, особенно в Куйбышевской и Саратовской областях, в состав древнего местного населения влилась значительная струя племен андроновской культуры и их прямых потомков из оренбургско-казахстанских степей. В Южном Приуралье к началу железного века сохранились потомки андроновских племен; возможно, что в бассейне Урала имело место частичное проникновение племен срубной культуры. Кроме

¹ С. И. Руденко. Описание скелетов из прохоровских курганов. МАР, № 37, 1918, стр. 84—102; М. Н. Комарова. Черепа бронзовой эпохи из могил по левым притокам р. Урала. Сб. «Казанка», вып. 2, Л., 1927, стр. 222—237; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 70—76, 146—148.

того, существенную роль в формировании ранних сарматских групп сыграли определенные элементы более восточного происхождения, в частности население степных районов Средней Азии, которое, вероятно, довольно рано проникло в Астраханскую область и даже на Маныч. Последовательное проникновение на Волгу через казахстано-оренбургские степи отдельных восточных групп населения хорошо подтверждается постепенным увеличением монголоидных признаков у населения Нижнего Поволжья и отчасти предкавказских степей, особенно с рубежа нашей эры. Таким образом, сарматы в III—II вв. до н. э. представляли собой пестрый и изменчивый племенной организм, постоянно включавший в свою среду все новые и новые этнические и культурные элементы.

Большую роль в сложении сарматских племен сыграли взаимоотношения между племенами Поволжья и Южного Приуралья в бронзовом веке. Племена срубной и андроновской культур вступили в тесный контакт не позже середины II тысячелетия до н. э. Этот контакт между соседними, вероятно, сначала разноэтничными, племенами установился на базе развития металлургии меди и бронзы на Южном Урале. Межплеменные связи способствовали проникновению в Поволжье андроновского металла¹. Одновременное развитие коневодства у племен андроновской и срубной культур² усилило их подвижность и облегчило сношения между ними.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. в Куйбышевском и Саратовском Поволжье появляется обряд трупосожжения (рис. 2), чуждый племенам срубной культуры³. Возникновение этого обряда следует рассматривать как результат воздействия погребальных обычаев иного населения, в частности некоторых племенных групп андроновской культуры Южного Приуралья, для которых обряд трупосожжения был характерен на раннем, федоровском этапе их развития⁴. Проникновение отдельных групп андроновских племен в среду населения срубной культуры Поволжья могло происходить как путем военных столкновений, так и другими путями. Бассейны наиболее крупных заволжских рек — Самары с притоками, Б. Иргиза и Еруслана — могли служить местом наиболее активных общений между андроновцами и срубными племенами (рис. 2).

В последней четверти II тысячелетия до н. э. проникновение андроновских элементов в эту среду становится более заметным. Оно выражается в появлении керамики андроновского типа на поселениях Куйбышевского и Саратовского Заволжья (рис. 2)⁵, а местами и андроновского (с. Хрящевка, курган № 2, раскопки Н. Я. Мерперта, 1951 г.)⁶ обряда трупоположения. Такая же керамика наряду с андроновскими чертами погребального обряда обнаруживается и в некоторых погребениях Сталинградского Заволжья⁷. Проникновение андроновских элементов в Сталинградское Заволжье, наблюдаемое по могильникам нижнего течения Еруслана, скорее всего, надо связывать с бассейном рек Большого и Малого Узень. Эти реки в бедном водою Южном Заволжье должны были играть немаловажную роль в развитии взаимных связей между отдельными племенами.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 51 и сл.

² К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 209—221.

³ И. В. Силицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 11.

⁴ К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. МИА, № 1, 1940, стр. 58—67; его же. Бронзовый век южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 100—101.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 37, 52, рис. 11; И. В. Силицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 195 и сл.

⁶ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954, стр. 83—85.

⁷ И. В. Силицын. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 84—85.

Именно на Узеньях, в районе озер Камыш-Самарских разливов, И. В. Силицыным обнаружен крупный узел связи срубной, андроновской и, может быть, также тазабагъябской культур¹.

Взаимодействие андроновской и срубной культур не было односторонним. Исследования андроновской культуры в степях Южного Приуралья показали, что мы можем проследить и обратный процесс — воздействие срубной культуры на андроновскую (общность орудий труда и оружия, распространение курганного обряда погребения, керамика срубного типа в андроновских могилах и на поселениях)². В южной части бассейна р. Белой, а также в районе Чкалова — Орска — Актюбинска андроновские памятники приобретают особенно яркие черты сходства со срубными (в керамике, а иногда и в деталях погребального обряда). Очевидно, следует предположить проникновение отдельных групп поволжского населения в южноуральские степные районы, в частности на территорию современной Актюбинской области, чему не противоречат новые антропологические данные. Одним из вероятных стимулов продвижения наиболее сильных племен Поволжья на восток, кроме освоения новых пастбищ, удобных для скотоводства, было стремление приблизиться к южноуральским источникам металла.

Цепочка межплеменных связей, хорошо прослеживаемая от Среднего и Нижнего Поволжья до района г. Орска, тянется и дальше, к Южному Приуралью. Характерная для этого района тазабагъябская культура имеет довольно заметные черты близости со срубной культурой (сходство керамических форм, общность приемов орнаментации посуды, бронзовых изделий)³. Сходство металлических изделий указывает на единые центры, откуда поступала металлическая продукция к древним племенам Поволжья и Приуралья.

В последней четверти II тысячелетия до н. э. усиливаются черты сходства срубной культуры Нижнего Поволжья и андроновской культуры в ее западном южноуральском варианте. Это сходство возникло в результате очень тесного контакта, который мог выражаться в межплеменном обмене, экзогамных браках, а также, вероятно, и в передвижениях отдельных племен с востока на запад и в обратном направлении, что приводило к смешению населения. Конечно, последовательность этих взаимоотношений, в частности предполагаемых передвижений племен, не может быть сейчас восстановлена вследствие плохо изученной хронологии отдельных памятников эпохи бронзы в поволжских и приуральских степях. Вполне вероятно, что это были родственные в языковом отношении племена, входящие в индоевропейскую или даже индоиранскую (арийскую) группу. Это можно предполагать, учитывая дальнейшую историческую судьбу племен этой территории в начале раннего железного века.

Кроме того, здесь развивается коневодство и всадничество, характерное для древних индоевропейцев и особенно индоиранской группы населения Средней Азии и Передней Азии⁴.

Историческое развитие наиболее крупных культур евразийских степей эпохи бронзы не было одинаковым. На Нижней Волге срубная культура,

¹ И. В. Силицын. Археологические памятники по реке Малый Узень. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 101—105; его же. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 97—101; его же. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 65.

² М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казак», вып. 2, Л., 1927, стр. 202; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, т. XVII, М., 1948, стр. 71, 129; К. В. Сальников. Бронзовый век южного Зауралья, стр. 109.

³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 66—68; его же. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. Советское востоковедение, 1955, № 6, стр. 96—108.

⁴ И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.—Л., 1956, стр. 123—124.

сохраняя свои основные черты до конца эпохи бронзы, развивается приблизительно так же, как и в Северном Причерноморье¹, но в ней проявляются и те черты, которые в дальнейшем становятся характерными для савроматов.

Андроновская культура распадается на ряд локальных вариантов, которые в некоторых случаях можно рассматривать как отдельные культуры. Этот распад связан с различными историческими судьбами отдельных племенных групп андроновской культурной общности, с их более тесной консолидацией в рамках отдельных племенных союзов. Так, памятники андроновской культуры в верхнем течении р. Тобола (Алексеевка, Садчиковский поселок)² значительно отличаются от зауральских памятников Челябинской и Курганской областей³ и имеют много общего с памятниками позднесрубной культуры Поволжья, Северного Причерноморья и тазабагъябской культуры Южного Приаралья (стоянки и могильник Кокча 3)⁴.

Усиление связей племен Тобола и степного Поволжья к концу эпохи бронзы сказалось в общности форм многих металлических изделий, в некоторых костяных предметах и особенно в новых формах керамики (появление узкогорлых сосудов и сосудов с налепными валиками). Прототипами этой новой посуды послужили главным образом сосуды срубной культуры и, может быть, узкогорлые сосуды бронзового века Средней Азии⁵.

Нижнее Поволжье в конце эпохи бронзы продолжало испытывать воздействие андроновской культуры в ее западном варианте, что нашло свое отражение в некоторых образцах поволжской керамики, культовых сооружений (жертвенное место у с. Джангала, на Узенях, похожее на Алексеевское)⁶ и, возможно, в распространении западной и юго-западной ориентировки покойников, чуждой для срубной культуры Поволжья, зато характерной для южноуральских андроновцев.

В условиях предполагаемой большой подвижности степных племен, в связи с развитием скотоводства, особенно разведением мелкого рогатого скота и лошадей, появлением всадничества, усилением военных столкновений, к началу железного века в поволжских степях меняется весь облик археологической культуры. Причиной этого явилось изменение направлений экономических и культурных связей, а также, несомненно, и изменения в этническом составе населения.

В эпоху срубной культуры в бассейне Нижней Волги начинают складываться черты погребального обряда, которые становятся впоследствии характерными для савроматов. Черты эти следующие: 1) прямоугольная форма могил и устройство в них деревянных сооружений, подстилок и надмогильных конструкций из дерева; 2) захоронения покойников близ одной из стенок могилы; 3) появление захоронений в скорченном положении (на спине или на боку); 4) посыпка мелом дна могилы, изредка помещение в могилу кусков мела и реальгара; 5) захоронение коней и частей конской сбруи; 6) огненный ритуал, близкий ритуалу савроматского времени.

Западная ориентировка в могилах ранних сарматов — прямое наследие андроновской культуры. Восточная ориентировка у ряда раннесарматских групп связана с такой же ориентировкой, распространившейся у племен Дона и Поволжья конца эпохи бронзы.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 51 и сл.

² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 59 и сл.; ее же. Садчиковское поселение. МИА, № 21, 1951, стр. 152 и сл.

³ К. В. Сальников. Бронзовый век южного Зауралья, стр. 109 и сл.

⁴ С. П. Толстов. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции..., стр. 96—108.

⁵ Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 148, рис. 62, 1, 3.

⁶ И. В. Силицын. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане, стр. 64—65.

Соответствия форм огненного ритуала, которые прослеживаются у некоторых родовых групп населения срубной культуры и у савроматов Поволжья, значительны. У тех и других встречаются приемы посыпки дна могилы золой и угольками, разведение погребальных костров близ могилы и, наконец, сооружение больших костров на перекрытии могил. Отмечены также случаи трупосожжений.

Бросается в глаза и поразительное сходство деревянных оград-срубов, сооруженных в курганах над некоторыми могилами срубной культуры¹ и могилами савроматского времени в Саратовском Поволжье² и на р. Бузулуке³.

Среди волжских грунтовых погребений срубной культуры встречаются погребения в обширных ямах с деревянными конструкциями. Они содержат черты обряда, сходные с савроматскими, а по общему характеру обряда очень напоминают большие савроматские могилы типа Блюменфельд А 12⁴.

Генетическая связь большинства отмеченных особенностей погребального обряда племен срубной культуры и савроматов Поволжья становится более убедительной, когда мы обращаемся к погребениям переходного характера. Мне удалось выделить последние в Быковской группе курганов (Сталинградское Заволжье); они известны также и на правом берегу Волги. Эти погребения, датируемые VIII—VII вв. до н. э., свидетельствуют о сложении нового, савроматского обряда при сохранении некоторых пережитков эпохи бронзы. Керамика и другой инвентарь этих погребений имеют типологическое сходство с вещами срубной культуры (в меньшей степени — позднеандроновской), которые и послужили исходными формами для савроматских (рис. 3).

Особенно хорошо прослеживаются связи населения срубной культуры с савроматскими на примере развития местной керамики (рис. 3)⁵. Способы изготовления глиняной посуды, характер теста и примеси здесь одинаковы. Основные формы савроматской посуды развились из форм баночных и видоизмененных острореберных сосудов конца эпохи бронзы. Тогда же на Волге получили распространение некоторые приемы орнаментации, легшие в основу орнаментации савроматской посуды. Такую же преемственность мы наблюдали и в орнаментации некоторых костяных изделий (рис. 3).

В культуре доно-волжских савроматов трудно уловить особые черты андроновцев, участие которых в формировании савроматов представляется бесспорным. Это объясняется тем, что в течение ряда веков происходила постепенная нивелировка культуры срубных племен и западных андроновцев. В качестве типично андроновских черт можно все же указать сооружение каменных курганов над погребениями савроматов у с. Горная Пролейка в Сталинградской области⁶ и западную ориентировку ряда погребений.

В культуре приуральских сарматов андроновские черты прослеживаются значительно отчетливее. Они сказываются главным образом в погребальном обряде (обкладка курганов камнями, кольцами из каменных плит; сооружение кромлехов и каменных куч над могилами). В керамике

¹ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 73, рис. 46; С. Щ е г л о в. Раскопки двух курганов при с. Адоевщине Хвалынского уезда. Тр. Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 31, 1914, стр. 134, рис. 3.

² Р. R a u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im untern Wolgagebiet, рис. 3, 9 и 11.

³ Наши раскопки 1956 г. у с. Любимовки в урочище «Лапасина», курган 1 (не опубликованы).

⁴ В. G r a k o w. Monuments de la culture scythique entre la Wolga et les monts Oural, стр. 27, рис. 2.

⁵ Приношу большую благодарность И. В. С и н и ц ы н у и В. П. Ш и л о в у за разрешение включить в таблицу несколько рисунков сосудов из их еще неопубликованных раскопок.

⁶ И. В. С и н и ц ы н. Археологические памятники у с. Пролейки. Уч. зап. Саратовского гос. университета, т. XLVII, Саратов, 1956.

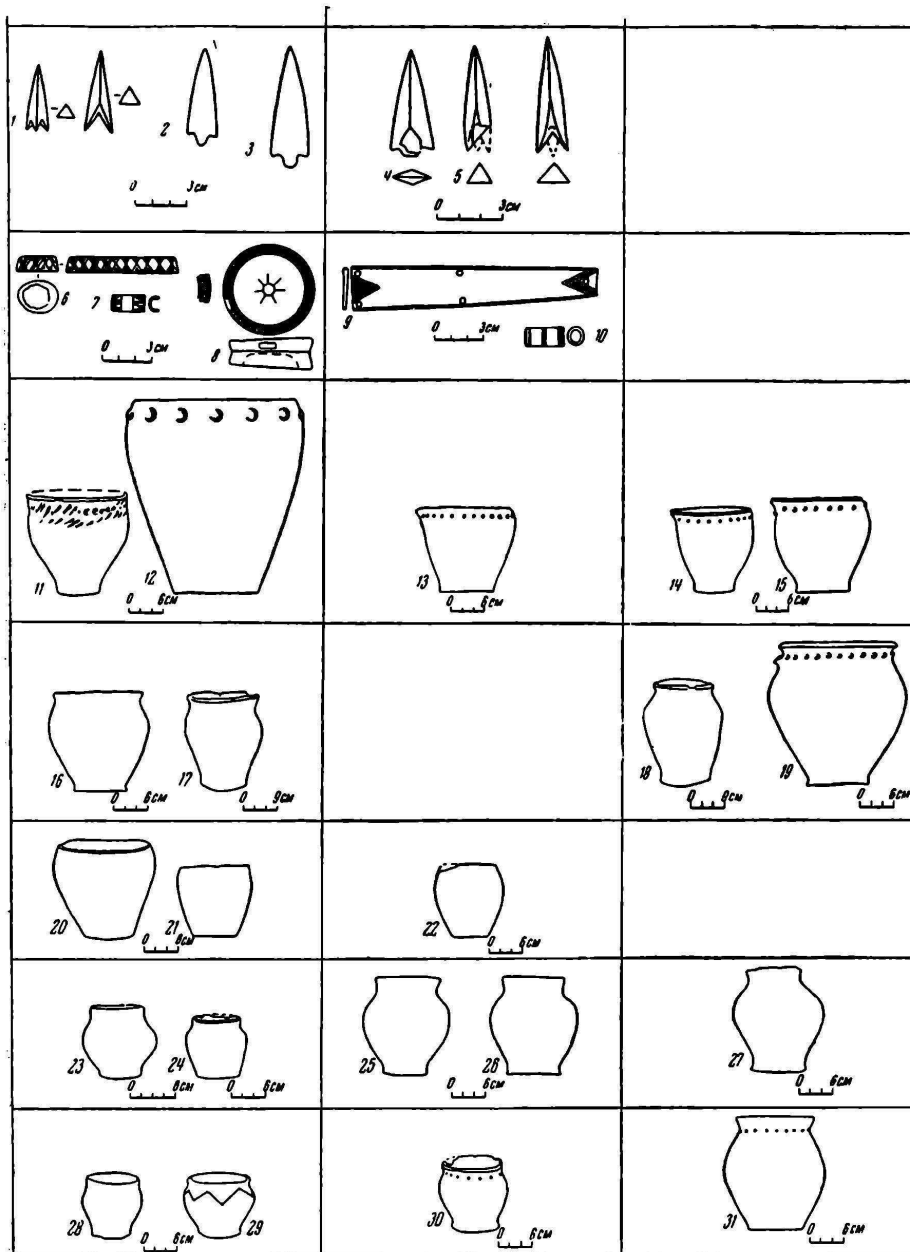

Рис. 3. Эволюция предметов материальной культуры Поволжья (слева — эпоха бронзы; в центре — переходное время; справа — савроматское время).

1 — костяные наконечники стрел (г. Энгельс, кург. № 8, раскопки П. Рыкова); 2 — кремневый наконечник стрелы (оттуда же); 3 — кремневый наконечник стрелы (г. Бугуруслан, кург. № 2, раскопки В. Толмачева); 4—5 — костяные наконечники стрел (ст. Лебяжья, кург. № 1, погр. «I», раскопки А. Спицына); 6 — костяное кольцо (Быково I, кург. № 1, погр. 5, раскопки К. Ф. Смирнова); 7 — костяная пронизка (с. Политотдальское, кург. № 4, погр. 6, раскопки К. Ф. Смирнова); 8 — костяная бляха (с. Иловатка, северо-восточн. группа, кург. № 3, погр. 2, раскопки К. Ф. Смирнова); 9 — костяная пластинка (ст. Лебяжья, кург. № 1, погр. «I»); 10 — костяной цилиндр (оттуда же); 11 — глиняный горшок (Быково I, кург. № 10, погр. 9); 12 — горшок (Ивановское селище б. Хвалынского у., раскопки В. Орехова); 13 — горшок (с. Максютово, I группа, кург. № 2, погр. 6, раскопки И. В. Силицына); 14 — горшок (с. Бородаевка, кург. № 27, погр. 3, раскопки П. Рау); 15 — горшок (Калиновский могильник, кург. № 22, погр. 1, раскопки В. П. Шиловой); 16 — горшок (с. Иловатка, кург. № 6, погр. 1); 17 — горшок (с. Бережновка, юго-восточная группа, кург. № 4, погр. 3, раскопки И. В. Силицына); 18 — горшок (II Бережновский могильник, кург. № 95, погр. 2, раскопки И. В. Силицына); 19 — горшок (г. Энгельс, кург. № 5, погр. 3, раскопки П. Рыкова); 20 — горшок (г. Быково I, кург. № 8, погр. 2); 21 — горшок (Иловатка, кург. № 4, погр. 4); 22 — горшок (с. Нов. Молчановка, кург. № 1, погр. 2, раскопки И. В. Силицына); 23 — горшок (II Бережновский могильник, кург. № 94, погр. 1); 24 — горшок (с. Мариенталь, кург. С22, погр. 2, раскопки П. Рау); 25 — горшок (ст. Лебяжья, кург. № 1, погр. «I»); 26 — горшок (Быково I, кург. № 4, погр. 8); 27 — горшок (с. Гуселки, кург. № 2, раскопки А. Спицына); 28 — горшок (Быково II, кург. № 3, погр. 4); 29 — горшок (с. Политотдальское, кург. № 19, погр. 21); 30 — горшок (Быково I, кург. № 17, погр. 7); 31 — горшок (с. Политотдальское, кург. № 4, погр. 30).

андроновские черты орнамента хорошо прослеживаются на сосудах IV в. до н. э. К сожалению, более древняя посуда приуральских сарматов нам очень плохо известна.

Вся совокупность археологических данных подтверждает выводы антропологов об участии срубно-андроновского населения в формировании сарматских племен. Для выяснения роли других племен в сарматском этногенезе, в особенности приаральских, связанных с тазабагъябской культурой, западносибирских и степных среднеазиатских, необходимы дальнейшие археологические исследования восточной окраины сарматского мира, древностей Приаралья и центрального Казахстана.

Проблема происхождения ранних сарматов была бы освещена неполно, если бы мы не привлекли данные письменных источников и выводы языкознания. К сожалению, первые весьма отрывочны и облечены в форму народных легенд, где фантастические представления переплетаются с туманными историческими фактами, разобраться в которых нам помогают смежные науки — археология, антропология и языкознание.

Данные письменной традиции и языкознания говорят если не об этническом единстве, то во всяком случае о близком языковом родстве сарматов как части обширного ираноязычного мира. Уже греко-римская литературная традиция связывала савроматов — сарматов с ираноязычными народами. Особенно это ясно из сообщений Диодора Сицилийского и Плиния Старшего. Первый сообщает о переселении скифами из Мидии покоренных ими савроматов; переселенцы остановились у р. Танаиса (Диодор, II, 43) ¹. Об этом же говорит Плиний: «...по реке Танаису, впадающей в море двумя устьями, живут сарматы, по преданию потомки мидян, также разделяющиеся на многие племена. Первыми живут савроматы женовладеемые, названные так потому, что произошли от браков с амазонками» (Гай Плиний Секунд. Естественная история, VI, 13) ².

Оба автора, показания которых основывались на каких-то местных преданиях, связывали происхождение сарматов с мидянами и указывали на раннее появление сарматов на берегах Дона, во всяком случае не позже времени господства скифов в Передней Азии (VII в. до н. э.).

Эта же традиция связывает савроматов по происхождению и языку со скифами. Об этом говорит скифская легенда о происхождении савроматов, переданная Геродотом (IV, 110, 117) ³. О языке же савроматов Геродот сообщает: «Савроматы говорят на скифском языке, но издревле искаженном» (IV, 111) ⁴. Однако Геродот не включает савроматов в состав собственно скифов, помещая их у восточной границы Скифии. Гиппократ называет савроматов скифским народом (Гиппократ, 24, «О воздухе, водах и местностях») ⁵.

Иранство скифов и сарматов и их родство между собой, о чем глухо свидетельствуют древние авторы, было аргументировано в исследованиях представителей сравнительного языкознания XIX в., особенно К. Мюлленгофа ⁶, В. Ф. Миллера ⁷, а в наше время В. И. Абаева ⁸ и Л. Згуста ⁹.

Сарматы, как показывает современное языкознание, входили в северовосточную группу ираноязычных народов древности вместе со скифами и

¹ В. В. Л а т ы ш е в. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 4, стр. 251.

² Е го ж е. Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 2, стр. 293.

³ Е го ж е. Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 2, стр. 279—280.

⁴ Там же, стр. 280.

⁵ Там же, стр. 295.

⁶ K. Müllenhoff. Ueber die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten. Berlin, 1866.

⁷ В. Ф. М и л л е р. Осетинские этюды, т. III. М., 1887; его же. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, X (сентябрь).

⁸ В. И. А б а е в. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949.

⁹ L. Z g u s t a. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

рядом народов Средней Азии (саки, согдийцы, массагеты, хорезмийцы и др.). На заре своего исторического развития, которое уходит вглубь эпохи бронзы, скифы и сарматы или, вернее, их прямые предки были тесно связаны с прародиной иранских народов, т. е. с областью, где возник иранский язык-основа и где произошло формирование северо-восточной группы иранских языков. Судя по сведениям Геродота, можно полагать, что некоторые предки скифов и сарматов жили на одной территории и были объединены одной археологической культурой.

Синтез археологических свидетельств сделал весьма вероятной гипотезу о генетической связи скифов Причерноморья с племенами срубной культуры, часть которых переселилась в Северное Приазовье и на Днепр в последние столетия II тысячелетия до н. э.¹ Продвижение племен срубной культуры с ее исконной территории степного Поволжья на запад и прямое перерастание позднесрубной культуры в скифскую степную культуру хорошо показаны в последней работе О. А. Кривцовой-Граковой². История ранних сарматов Дона и Волги также тесно связана с племенами срубной культуры как с одним из основных их предков. Это те срубные племена, которые остались на Волге до конца эпохи бронзы и вступили в активные взаимодействия с соседними андроновцами.

Гипотеза о заволжском происхождении скифов, нашедшая свое отражение в работах М. И. Артамонова и Б. Н. Гракова, не является новой в скифской историографии. Еще В. Н. Татищев связывал скифов с Волгой³. В начале XX в. Э. Миннс пришел к остроумному выводу, что в третьей легенде Геродота о происхождении скифов Аракс может быть только Волгой; следовательно, исходной областью, откуда скифы двинулись на запад, по Э. Миннсу, были заволжские степи⁴. Это все более и более подтверждается археологическими фактами. В полном соответствии с ними находятся и антропологические данные: черепа скифов Приднепровья не отличаются от черепов срубной культуры⁵. Одной из главных причин передвижения племен срубной культуры Поволжья, вероятно, являлись военные вторжения в заволжские степи различных андроновских групп. За Волгой и в соседнем Приуралье могли возникать союзы племен, борьба между которыми еще больше способствовала передвижению предков скифов из волжских степей на запад. В целом кажется правдоподобной точка зрения М. И. Артамонова⁶ о военном натиске андроновских племен, которые в своей западной части, на наш взгляд, были уже ранее в какой-то степени смешаны с продвинувшимися в бассейн Южного Урала срубными племенами. Эти продвижения андроновцев (в широком смысле слова — как носителей определенной культурной общности, а не единого этноса), вероятно, и отразились в преданиях о натиске на скифов из-за Аракса-Волги массагетов (по Гекатею) и их соседей исседонов (по Аристею), а скорее всего, тех и других одновременно, или вскоре друг за другом. В массагетах и исседонах я склонен видеть две различные группы племен: носителей тазабагъабской и андроновской культур на позднем этапе их развития. Натиск массагетов шел из степей между восточным берегом Каспийского моря и Аральским морем. О заселении этой области воинст-

¹ М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 2, 37 и сл.; Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 39 и сл.; и х же. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА, XVIII, 1953, стр. 111 и сл.

² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 157 и сл.

³ В. Н. Татищев. История Российская, кн. 1. М., 1768, стр. 99—100.

⁴ E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 31.

⁵ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 160; его же. Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленума ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М.—Л., 1956.

⁶ М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов, стр. 37 и сл.

венными массагетскими племенами свидетельствует Геродот (X, 284) ¹. Исседоны же, по Геродоту (I, 201) ², жили по соседству с массагетами, напротив них, возможно, в меридиональном направлении, т. е. к северу. Исходя из последнего предположения, основную массу исседонов следует размещать в Северном Казахстане и, может быть, в Южном Зауралье (рис. 1). Можно полагать, что часть исседонских и массагетских племен, вторгнувшись в земли своих западных соседей, т. е. в заволжско-уральские степи, приняли активное участие в формировании древних сарматов Северного Прикаспия.

Признавая ираноязычность скифов, мы неизбежно должны предположить ираноязычность поволжского населения как одного из общих предков скифов и савроматов. Я присоединяюсь к мнению Б. Н. Гракова ³, что «иранство» племен срубной культуры, вероятно, было вторичным в том смысле, что иранский язык-основа возник не в среде срубного населения Поволжья. Думаю, что оно было обусловлено многовековым контактом с западными андроновцами и, как теперь выясняется, с носителями тазабагъябской культуры Приаралья.

Еще В. Ф. Миллер высказал предположение о том, что древнейшую родину иранцев следует искать в северных степях Средней Азии, на обширной территории древних кочевников ⁴. Некоторые археологи территорию андроновской культуры связывают с областью формирования индоиранской (арийской) языковой общности ⁵. Большинство современных языковедов-иранистов ограничивают территорию, на которой сложился иранский язык-основа, областью древней Хоразмии, которая многими исследователями вслед за Марквартом отождествляется с легендарной колыбелью древних иранцев (Айрьянем-Веджо Авесты) ⁶.

Следуя гипотезе большинства иранистов, которая кажется наиболее обоснованной, мы можем предполагать древнейшее иранство южноаральских племен эпохи бронзы, в том числе и тех, которые оставили нам памятники тазабагъябского типа на р. Акча-Дарье (могильник и стоянка Кокча 3) ⁷ в области древнейшего Хорезма. Отсюда могла произойти уже в последние столетия II тысячелетия до н. э. иранизация если не всей, то, во всяком случае, западной группы андроновцев (степей Тобола и Урала), а через них или непосредственно — срубных племен Нижнего Поволжья. Этому мог способствовать прослеженный по данным археологии тесный и многовековой контакт между древним населением Поволжья, Южного Приуралья и Приаралья, который имел разные формы проявления (мирные и военные).

Рассматривая скифов и сарматов как различные этнические образования среди североиранских народов древности, я объясняю их языковое родство общностью одного из основных предков, подвергшихся иранизации предположительно индоевропейских племен срубной культуры Поволжья. Их различия в языке, вероятно, можно объяснить тем, что в состав формирующихся сарматов вошли потомки других племен, в том числе на востоке — андроновцев (в широком понимании этого условного названия), а на западе — древнейших местных приазовских племен.

Ранние сарматы, занимая в VII—IV вв. до н. э. огромную степную тер-

¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей..., ВДИ, 1947, № 2, стр. 252.

² Там же, стр. 251—252.

³ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях..., стр. 49.

⁴ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, т. III, стр. 75.

⁵ Б. В. Горнунг. Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи. Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г., стр. 37.

⁶ J. Marquart. Eransahr, 1901, стр. 118, 155; E. Benveniste. L'Eransahr et l'origine légendaire des Iraniens. Paris, стр. 268—274; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 19—20.

⁷ С. П. Толстов. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции..., стр. 96—108.